

ВЛАДИМИР
НАБОВЛЕВ
ТОЛСТОЙ

«Анна Каренина»

ТОЛСТОЙ — величайший русский прозаик. Оставляя в стороне его предшественников Пушкина и Лермонтова, всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый — Толстой, второй — Гоголь, третий — Чехов, четвертый — Тургенев. Примерно так педагог представляет оценки студентам, и уж будьте уверены, что Достоевский и Салтыков-Щедрин не получили бы у меня похвальных листов.

Идеологическая отравка — так называемая идейность произведения (термин, изобретенный современными критиками-шарлатанами) проникла в русскую прозу в середине прошлого века и прикончила ее к середине нашего. На первый взгляд может показаться, что проза Толстого насквозь пронизана его учением. На самом же деле его проповедь так далека от политики, столь наивна и расплывчата, а творчество отличается такой могучей, стихийной силой, оригинальностью и общечеловеческим смыслом, что оно попросту вытеснило его учение. В сущности, Толстого-мыслителя всегда занимали лишь две темы: Жизнь и Смерть. А что может быть важнее для художника?

Граф Лев Толстой (1828—1910) — этот крепкий, неутомимый духом человек — всю жизнь метался между чувственной своей природой и сверхчувственной совестью. Живший в нем сладострастник жаждал получить свою порцию плотских наслаждений, поддаваясь соблазнам города, что постоянно вводило его в тихой сельской дороге, по которой стремился идти Толстой-аскет.

В юности чувственность пересиливала и брала свое. Позднее, после женитьбы (1862), Толстой обрел временный душевный покой в семейной жизни, отданной рачительному управлению имением и работе над лучшими книгами. Именно тогда, в 60-е и в начале 70-х годов, он и создал свои шедевры: эпопею «Война и мир» (1869) и бессмертный роман «Анна Каренина». Еще позже, в конце 70-х годов, когда ему уже было далеко за сорок, этическое начало победило, заставив его принести в жертву личные интересы, семейное благополучие, успешную литературную карьеру ради того, что он считал своим нравственным долгом: радости творчества он предпочел простую, суровую жизнь, построенную на слишком буквально понятых принципах христианской морали и отвлеченной идее гуманизма. И в 1910 году, осознав, что, продолжая оставаться в своем имении, в лоне беспокойной семьи, он по-прежнему предаст идеалы простого, святого бытия, этот 80-летний старец ушел из дому, отправился пешком в монастырь, до которого так и не добрался, и встретил свою смерть на постоялом дворе маленькой железнодорожной станции.

Я не выношу копания в дорогах нам биографов великих писателей, не выношу, когда люди начинают совать свой нос в их жизнь, не выношу вульгарности естественного человеческого любопытства, не выношу шуршания юбок и хихиканья в коридорах времени, и ни один биограф не посмеет заглянуть в мою лич-

в каменном доме на необитаемом острове с бутылкой чернил и горой бумаги, подальше от всяких этических и педагогических «вопросов», на которые он отвлекался, вместо того чтобы любоваться завитками темных волос на шее у Анны Карениной. Но это невозможно: Толстой един, и борьба между художником, который восхищался красотой черной земли, белого тела, голубого снега, зеленых полей, пурпурных облаков, и моралистом, утверждавшим, что художественный вымысел греховен, а искусство безнравственно. — борьба эта шла в одном и том же человеке. Сочиняя ли, проповедуя ли, Толстой, несмотря на все препятствия, страстно хотел лишь одного — постигнуть истину. В «Анне Карениной» он испробовал один метод, в своих проповедях — другой, но каким бы утонченным ни было его искусство и скучным его теоретизирование, истина, которую он так мучительно искал и которую порой чудом обнаруживал прямо у себя под ногами, и без того всегда была с ним, ибо Толстой-художник и нес ее в себе.

Меня смущает лишь то, что в своем творчестве он сам себя не узнавал. Мне нравится одна история: как-то, в непогожий день, уже давным-давно перестав сочинять, он взял какую-то книгу, раскрыл ее наугад, заинтересовался, загорелся и, взглянув на название, с удивлением обнаружил, что это «Анна Каренина» Льва Толстого.

В чем же истоки одержимости Толстого, которая всю жизнь сковывала его гений, которая и по сей день смущает настоящего читателя? Наверное, в том, что мучительный поиск истины был для него дороже, чем ее интуитивное постижение. Старая Русская Истина с ее бешеным нравом и тяжелой походкой никогда не была приятной спутницей. Не повседневная правда, но бессмертная Истина — не просто правда, но озаряющий собою весь мир свет правды. И в те мгновения, когда благодаря великолению творческого воображения свет этот вспыхивал перед его внутренним взором, он почти бессознательно шел по правильному пути. И что нам всерьез его борьба с официальной православной церковью, его этические воззрения рядом с каким-нибудь отрывком из любого его романа, отмеченным печатью этого озарения?

Истина — одно из немногих слов в русском языке, которое ни с чем не рифмуется. Его нельзя ничему уподобить, в русском словаре оно стоит одиноко, обособившись от других слов, незыблемое, как скала. Большинство русских писателей страстно пыталось доискаться, что есть истина и каковы ее опознавательные знаки. Для Пушкина — это благородный мрамор, облитый ослепительным светом. Достоевский — значительно более слабый художник — видел ее сотворенной из крови и слез, истерик и пота. Чехов был ее сторонним насмешливым наблюдателем, хотя казалось, что он неотделим от блеклых декораций жизни. Толстой же шел к истине напрямик, набывшись и сжав кулаки, и приходил то к подножию креста, то к собственному своему подножию.

Одно из его достижений по странной случайности никогда не отмечалось критиками. Он открыл, разумеется, не отдавая себе в том отчета, способ изображения жизни, который наиболее точно соответствует нашему представлению о жизни. Он — единственный из

Цикл лекций о русской литературе был прочитан Владимиром Набоковым в американских университетах в 40—50-х годах. Отрывки из лекции о Федоре Достоевском в переводе с английскогоского мы напечатали в № 36 за прошлый год.

Сегодня публикуются выдержки из обширной лекции о Льве Толстом. Перевод сделан по изданию: Vladimir Nabokov. Lectures on Russian Literature. PICADOR. London. 1983.

и вдруг понимает, что серые парики — просто седые волосы, что эти люди состарились, пока он путешествовал в глубь своей памяти. Или обратите, например, внимание, как Джеймс Джойс обходит с временем в «Улиссе», когда Блум пускает клочок бумаги от моста к мосту вниз по Лиффи. — из дублинской бухты в океан вечности. Но даже эти писатели, которые сознательно стремились передать течение времени, не добиваются того, чего достигает Толстой, делая это как бы невзначай, мимоходом, время у них течет или медленнее, или быстрее, чем шли часы вашего деда: это время «по Прусту» или «по Джойсу», а не обычное, нормальное человеческое время, которое удавалось передать Толстому.

Не удивительно поэтому, что пожилые люди в России, беседа за вечерним чаем, говорят о героях Толстого как о действительно существовавших людях, похожих на их знакомых, будто и впрямь танцевали на балу с Кити. Анной или Наташей или обедали с Облонским в его любимом ресторане. Читателям Толстой кажется гигантом вовсе не потому, что другие писатели рядом с ним — карлики, он всегда стоит ровнею с нами, идет с нами в ногу, никого не обгоняя, как это делают другие авторы.

В этой связи любопытно отметить, что, хотя Толстой постоянно вторгается в жизнь своих героев и обращается к читателю, в тех великих главах, которые можно считать его шедеврами, он невидим, как тот самый идеальный наблюдатель, за которого ратовал Флорбер, говоря, что писатель должен быть незаметен в тексте и в то же время вездесущ, как Творец во Вселенной. Потому-то у нас и возникает порой ощущение, будто роман Толстого сам себя пишет, или рождается сам из себя, из своей собственной плоти, а не под рукой живого человека, волеящего пером по бумаге, который то и дело останавливается, зачеркивает слово, сидит в задумчивости и размышляет, почесывая заросший щетиной подбородок.

Как я уже говорил, в романах Толстого не всегда можно провести отчетливую грань между проповедником и художником. Авторскую проповедь подчас трудно отделить от рассуждений того или иного персонажа. И в сущности довольно часто, когда на протяжении многих страниц, явно не относящихся к сюжету, нам объясняют, что и как нам следует думать по тому или иному поводу или же что, к примеру, думает сам Толстой о войне, мире и сельском хозяйстве, очарование исчезает и начинает казаться, что прелестные новые знакомые, ставшие уже частицей нашей жизни, вдруг отняты у нас, дверь заперта и не открыта вновь до тех пор, пока величавый автор не завершит утомительного периода и не изложит нам свою точку зрения на брак. Наполеона, сельское хозяйство или не растолкует своих этических и религиозных воззрений. <...>

Толстого глубоко волновали вопросы нравственности как самые важные, вечные и общечеловеческие. И вот такая нравственная идея заложена в «Анне Карениной» — вовсе не та, что вычитает в ней незатейливый читатель: она не в том, что Анна должна платить за измену мужу (в известном смысле так можно сформулировать нравственный вывод «Мадам Бовари»). Разумеется, не в этом суть, и вполне очевидно, почему если бы Анна осталась с

моотверженности, нежности, правды и семейного согласия.

Эпиграф из Библии: «Мне отмщение, и Аз воздам» (говорит Господь). «Послание к Римлянам», гл. 12, ст. 19.

Что это значит? Во-первых, общество не имело права судить Анну, во-вторых, Анна не имела права наказывать Вронского, совершая самоубийство. <...>

«Смерть
Ивана Ильича»

В ТОЙ или иной степени в каждом человеке борются два начала: потребность в уединении и потребность в общении с людьми, то, что мы называем «интроверсия», то есть интерес, направленный вовнутрь, к внутренней жизни духа и воображения, и «экстраверсия» — интерес, направленный во внешний мир людей и осязаемых ценностей. Возьмем простой пример. Университетский ученый — я имею в виду профессоров и студентов — может сочетать в себе то и другое. Например, быть книжником и, что называется, душой общества, при этом то и другое в нем прекрасно уживается. Бывает, что студент, получивший или желающий получить награду за учебу, сознательно или бессознательно стремится получить награду за так называемое лидерство. Люди разных темпераментов принимают различные решения: у одних внутренний мир постоянно одерживает верх над внешним, у других — наоборот. Но для нас важен сам факт борьбы между двумя «я» в одном человеке — между интровертом и экстравертом. Я знал студентов, обуреваемых жаждой знаний, самоуглубленных, страстно увлеченных любимым предметом, они нередко затыкали уши, спасаясь от шума прибола, долетавшего из общежития, но в иные минуты их могло одолевать стальное чувство, желание присоединиться к общему веселью, пойти на вечеринку или встречу с друзьями, отложив книгу ради компании.

Отсюда уже рукой подать до проблем, занимавших Толстого, в ком художник боролся с проповедником, великий интроверт с сильным экстравертом. Толстой, конечно, осознавал, что в нем, как и во многих других писателях, идет борьба между желанием творческого уединения и стремлением слиться со всем человечеством, борьба между кнгой и обществом. По толстовскому определению, к которому он пришел, уже закончив «Анну Каренину», творческое уединение равнозначно эгоизму, самоупоению, то есть греху. И, напротив, идея растворения во всечеловеческом для Толстого означала Бога: Бога в людях и Бога, символизирующего всеобщую любовь. И Толстой отстаивал отречение от своего «я» во имя всемирной божественной любви. Иными словами, по мысли Толстого, человек, сочетающий в себе безбожное творческое начало и богоподобное человеческое, чтобы быть счастливым, должен сделать выбор в пользу последнего.

Нужно четко представлять себе эти идеи, чтобы понять философский смысл рассказа «Смерть Ивана Ильича». Иван — это, конечно, русский вариант древнееврейского имени

НАСЛЕДИЕ

ИЗ ЛЕКЦИЙ
О РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ми, которые разглагольствуют о книге, вместо того чтобы раскрыть ее душу. Вероятно, они уже втолковали вам, что главная цель великого писателя и, конечно же, главный ключ к его гению — это простота. Предатели, а не преподаватели. Читая экзаменационные сочинения сбитых с толку студентов обоего пола о том или ином авторе, я часто встречал подобные фразы — возможно, запавшие им в память в самом нежном возрасте: «Его стиль грациозен и прост» или: «У него простой и изысканный слог». Запомните: «простота» — это вздор, пустословие. Всякий великий художник сложен. Прост «Сатердей иннинг пост». Прост журналистский штамп. Прост Эптон Льюис. Пищеварение и сквернословие — все это просто. Толстой и Мелвилл совсем не просты.

У стиля Толстого есть одно любопытное свойство, которое я бы назвал «поиском истины наощупь». Желая воспроизвести мысль или чувство, Толстой примеряет к ним то один, то другой словесный наряд, пока полностью не удовлетворится своим созданием. Этот прием включает в себя художественные повторы: плотная цепь повторяющихся утверждений, следующих одно за другим, каждое последующее выразительней, чем предыдущее, и все более приближается к толстовскому мироощущению. Он продвигается наощупь, очищает слово ради его внутреннего смысла, потом лепит фразу, поворачивая ее и так, и этак, нащупывает наилучшую форму для выражения своей мысли, увязает в трясине предложений, играет словами, растолковывает и «растолковывает» их.

Другая особенность его стиля — яркость, свежесть детали, сочные, живописные мазки в передаче естества жизни. Так в 80-е годы в России не писал никто. Этот рассказ предвещает русский модернизм, расцветший перед скучной и банальной эрой соцреализма. Если порой в нем и слышится отголоски нравоучительной басни, тем пронзительнее звучит поэтическая интонация и напряженный внутренний монолог — тот самый поток сознания, который автор ввел еще раньше, в сценах последнего путешествия Анны.

Заметной особенностью рассказа является то, что Иван Ильич уже мертв, когда начинается повествование. Однако между мертвым и людьми, обсуждающими эту смерть и глазами на покойника, разница не велика, поскольку, с точки зрения Толстого, существование этих людей равнозначно живой смерти, а не жизни. Мы обнаруживаем в самом начале одну из многочисленных тем рассказа: бесчувственность пошлости, бездумность и бездушность жизни городского чиновничества, в которой сам Иван Ильич так недавно принимал участие. Его сослуживцы размышляют лишь о том, как его смерть повлияет на их продвижение по службе. <...>

Эгоизм, фальшь, лицемерие и прежде всего тупая заведенность — наиболее характерные свойства жизни. Эта тупая заведенность ставит человека на уровень неодушевленных предметов — поэтому неодушевленные предметы тоже включаются в повествование, становясь действующими лицами рассказа. Не символами того или иного героя, не атрибутами, как у Гоголя, но действующими лицами, существующими наравне с людьми. <...>

266

ТОЛСТОЙ — величайший русский прозаик. Оставшаяся в стороне его предшественников Пушкина и Лермонтова, всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый — Толстой, второй — Гоголь, третий — Чехов, четвертый — Тургенев. Примерно так педагог протавляет оценки студентам, и уж будьте уверены, что Достоевский и Салтыков-Щедрин не получили бы у меня похвальных листов.

Идеологическая отравка — так называемая идея произведения (термин, изобретенный современными критиками-шарлатанами) проникла в русскую прозу в середине прошлого века и прикончила ее к середине нашего. На первый взгляд может показаться, что проза Толстого насквозь пронизана его учением. На самом же деле его проповеди так далека от политики, столь наивна и расплывчата, а творчество отличают такая мочугая, стихийная сила, оригинальность и общечеловеческий смысл, что оно попросту вытеснило его учение. В сущности, Толстого-мыслителя всегда занимали лишь две темы: Жизнь и Смерть. А что может быть важнее для художника?

Граф Лев Толстой (1828—1910) — этот крепкий, неутомимый духом человек — всю жизнь метался между чувственной своей природой и сверхчувственной совестью. Живший в нем сладострастник жаждал получить свою порцию плотских наслаждений, поддавался соблазнам города, что постоянно вводило его с тихой сельской дороги, по которой стремился идти Толстой-аскет.

В юности чувственность пересиливала и брала свое. Позднее, после женитьбы (1862), Толстой обрел временный душевный покой в семейной жизни, отданной рачительному управлению имением и работе над лучшими книгами. Именно тогда, в 60-е и в начале 70-х годов, он и создал свои шедевры: эпопею «Война и мир» (1869) и бессмертный роман «Анна Каренина». Еще позже, в конце 70-х годов, когда ему уже было далеко за сорок, этическое начало победило, заставив его принести в жертву личные интересы, семейное благополучие, успешную литературную карьеру ради того, что он считал своим нравственным долгом: радости творчества он предпочел простую, суровую жизнь, построенную на слишком буквально понятых принципах христианской морали и отвлеченной идее гуманизма. И в 1910 году, осознав, что, продолжая оставаться в своем имении, в лоне беспокойной семьи, он по-прежнему предаст идеалы простого, святого бытия, этот 80-летний старец ушел из дому, отправившись пешком в монастырь, до которого так и не добрался, и встретил свою смерть на постоялом дворе маленькой железнодорожной станции.

Я не выношу копания в дорогах нам биографов великих писателей, не выношу, когда люди начинают совать свой нос в их жизнь, не выношу вульгарности естественного человеческого любопытства, не выношу шуршания юбок и хихиканья в коридорах времени, и ни один биограф не посмеет заглянуть в мою личную жизнь. Но вот что я обязан сказать. Злобное сострадание Достоевского к людям, его пресловутая жалость к униженным и оскорбленным — все это были в конце концов одни лишь эмоции, а та особая разнородность мрачного христианства, которую он исповедовал, нисколько не мешала ему вести жизнь, чрезвычайно далекую от его идеалов. Толстой же, как и его герой Левин, напротив, был органически не способен допустить, чтобы его животное начало вступало в сделку с совестью. — и жестоко страдал, когда это животное начало временно одерживало верх над началом духовным.

Когда он открыл для себя новую религию и согласно этой религии, представлявшей собой нечто среднее между буддийским учением о нирване и Новым Заветом (иначе говоря, «Иисус минуя церковь»), пришел к выводу, что искусство — от лукавого, поскольку оно основано на воображении, на обмане, на подлоге, он без сожаления пожертвовал великим даром художника, довольствуясь ролью скучного, ограниченного, хотя и здравомыслящего философа. И, достигнув небывалых художественных высот в «Анне Карениной», внезапно решил вообще перестать писать что-либо, кроме статей на этические темы. К счастью, он не мог постоянно сдерживать заложенную в нем огромную потребность в творчестве и, иногда подчиняясь ей, создал еще несколько изумительных произведений, не засоренных излишним морализированием; среди них — величайший рассказ «Смерть Ивана Ильича».

Многие люди относятся к Толстому со смешанным чувством. Они любят в нем художника и терпеть не могут проповедника. Но в то же время отделить Толстого-проповедника от Толстого-художника невозможно: все тот же низкий, медлительный голос, то же крепкое плечо, что легко выдерживало и ношу заоблачных видений, и тяжкий груз идей. Так и хочется порой увести его за руку со знаменитой импровизированной трибуны и запереть

его в темную комнату, чтобы он отвлёкся, вместо того чтобы любоваться завитками темных волос на шее у Анны Карениной. Но это невозможно: Толстой один, и борьба между художником, который восхищался красотой черной земли, белого тела, голубого снега, зеленых полей, пурпурных облаков, и моралистом, утверждавшим, что художественный вымысел греховен, а искусство безнравственно. — борьба эта шла в одном и том же человеке. Сочиняя ли, проповедуя ли, Толстой, несмотря на все препятствия, страстно хотел лишь одного — постигнуть истину. В «Анне Карениной» он испробовал один метод, в своих проповедях — другой, но, каким бы уточненным ни было его искусство и скучным его теоретизирование, истина, которую он так мучительно искал и которую порой чудом обнаруживал прямо у себя под ногами, и без того всегда была с ним, ибо Толстой-художник и нес ее в себе.

Меня смущает лишь то, что в своем творчестве он сам себя не узнавал. Мне нравится одна история: как-то, в непогожий день, уже давным-давно перестав сочинять, он взял какую-то книгу, раскрыл ее наугад, заинтересовался, загорелся и, взглянув на название, с удивлением обнаружил, что это «Анна Каренина» Льва Толстого.

В чем же истоки одержимости Толстого, которая всю жизнь сковывала его гений, которая и по сей день смущает настоящего читателя? Наверное, в том, что мучительный поиск истины был для него дорожкой, чем ее интуитивное постижение. Старая Русская Истина с ее бешеным нравом и тяжелой походкой никогда не была приятной спутницей. Не повседневною правда, но бессмертная Истина — не просто правда, но озаряющий собою весь мир свет правды. И в те мгновения, когда благодаря великолепию творческого воображения свет этот вспыхивал перед его внутренним взором, он почти бессознательно шел по правильному пути. И что нам вся его борьба с официальной православной церковью, его этические воззрения рядом с каким-нибудь отрывком из любого его романа, отмеченный печатью этого озарения?

Истина — одно из немногих слов в русском языке, которое ни с чем не рифмуется. Его нельзя ничему уподобить, в русском словаре оно стоит одиноко, особняком от других слов, неизблемое, как скала. Большинство русских писателей страстно пыталось доискаться, что есть истина и каковы ее опознавательные знаки. Для Пушкина — это благородный мрамор, облитый ослепительным светом. Достоевский — значительно более слабый художник — видел ее сотворенной из крови и слез, истерик и пота. Чехов был ее сторонним насмешливым наблюдателем, хотя казалось, что он неотделим от блеклых декораций жизни. Толстой же шел к истине напрямик, набывавший и сказывал кулаки, и приходил то к подножию креста, то к собственному своему подножию.

Одно из его достижений по странной случайности никогда не отмечалось критиками. Он открыл, разумеется, не отдавая себе в том отчета, способ изображения жизни, который наиболее точно соответствует нашему представлению о жизни. Он — единственный из ныне известных писателей, чьи часы показывают то же время, что и бесчисленные часы его читателей. Великие художники всегда обладали хорошим зрением, и в том, что принято называть «реализмом» толстовских описаний, другие пошли еще дальше. Хотя средний русский читатель и скажет вам, что в Толстом привлекает абсолютная реалистичность его романов, ошеломляющая встреча со старыми друзьями и знакомой местностью, дело вовсе не в том. Другие писатели не менее умело и ярко изображали жизнь. В сущности, читатели пленяет в романах Толстого его чувство времени, которое удивительно созвучно нашему восприятию. Это свойство не нуждается в рукоплесканиях, оно изначально присуще природе толстовского гения. Именно оно и дает воспримчивому читателю то ощущение реальности, которое он склонен приписывать остроте толстовского зрения. Проза Толстого течет в такт нашему пульсу, его герои движутся в том же ритме, что и люди, проходящие под нашими окнами, пока мы сидим и читаем книгу.

Самое странное состоит в том, что Толстой довольно небрежно относился к объективному ходу времени. В «Войне и мире» внимательные читатели обнаружили, что дети растут или слишком быстро, или слишком медленно. Что-то похожее происходит в «Мертвых душах» Гоголя: несмотря на его пристрастное внимание к костюмам героев, в разгар лета Чичиков разгуливает в медвежьей шубе. В «Анне Карениной» автора то и дело заносит на скользкой дорожке времени. Но мелкие просчеты ничуть не мешают Толстому передавать ощущение времени, саму суть времени, которое столь точно соответствует читательскому восприятию. Были и другие великие писатели, замороженные идеей времени и совершенно сознательно пытавшиеся передать его движение: так поступает Пруст, когда его герой в романе «В поисках утраченного времени», явившись в последний раз на светский обед, видит своих знакомых в серых париках

обратите, например, внимание, как Джеймс Джойс обходится с временем в «Улиссе», когда Блум пускает ключок бумаги от моста к мосту вниз по Лиффи. — из дублинской бухты в океан вечности. Но даже эти писатели, которые сознательно стремились передать течение времени, не добиваются того, чего достигает Толстой, делая это как бы невзначай, мимоходом, время у них течет или медленнее, или быстрее, чем шли часы вашего дела: это время «по Прусту» или «по Джойсу», а не обычное, нормальное человеческое время, которое удавалось передать Толстому.

Не удивительно поэтому, что пожилые люди в России, беседуя за вечерним чаем, говорят о героях Толстого как о действительно существовавших людях, похожих на их знакомых, будто и впрямь танцевали на балу с Кити. Анной или Наташей или обедали с Облонским в его любимом ресторане. Читателям Толстой кажется гигантом вовсе не потому, что другие писатели рядом с ним — карлики, он всегда стоит ровнень с нами, идет с нами в ногу, никого не обгоняя, как это делают другие авторы.

В этой связи любопытно отметить, что, хотя Толстой постоянно вторгается в жизнь своих героев и обращается к читателю, в тех великих главах, которые можно считать его шедеврами, он невидим, как тот самый идеальный наблюдатель, за которого ратовал Флобер, говоря, что писатель должен быть незаметен в тексте и в то же время вездесущ, как Творец во Вселенной. Потому-то у нас и возникает порой ощущение, будто роман Толстого сам себя пишет или рождается сам из себя, из своей собственной плоти, а не под рукой живого человека, волящего героя по бумаге, который то и дело останавливается, зачеркивает слово, сilit в задумчивости и размышляет, почесывая заросший щетиной подбородок.

Как я уже говорил, в романах Толстого не всегда можно провести отчетливую грань между проповедником и художником. Авторскую проповедь подчас трудно отделить от рассуждений того или иного персонажа. И в сущности довольно часто, когда на протяжении многих страниц, явно не относящихся к сюжету, нам объясняют, что и как нам следует думать по тому или иному поводу или же что, к примеру, думает сам Толстой о войне, мире и сельском хозяйстве, очарование исчезает и начинают казаться, что прелестные новые знакомые, ставшие уже частями нашей жизни, вдруг отняли у нас дверь заперта и не откроешь вновь до тех пор, пока величайший автор не завершит утомительного периода и не изложит нам свою точку зрения на брак. Наполеона, сельское хозяйство или не растолкует своих этических и религиозных воззрений. <...>

Толстого глубоко волновали вопросы нравственности как самые важные, вечные и общечеловеческие. И вот такая нравственная идея заложена в «Анне Карениной» — вовсе не та, что вычитает в ней незатейливый читатель: она не в том, что Анна должна платить за измену мужу (в известном смысле так можно сформулировать нравственный вывод «Мадам Бовари»). Разумеется, не в этом суть, и вполне очевидно, почему если бы Анна осталась с мужем, умело скрыв от света свою измену, ей не пришлось бы расплачиваться за нее ни счастьем, ни жизнью. Анна наказана за свой грех (она могла бы жить с мужем и дальше), не за нарушение общественных приличий, весьма относительных, как все условности, не имеющих ничего общего с вневременными, вечными законами морали. Так какова же тогда нравственная «идея» романа? Мы легче поймем ее, если рассмотрим другую линию книги и сравним историю Левина — Кити с историей Вронского — Анны. Женитьба Левина основана на философской, а не физической концепции любви, на готовности к самопожертвованию, на взаимном уважении. Союз Анны и Вронского основан лишь на физической любви и потому обречен.

Поначалу может показаться, что Анна наказана обществом за свою любовь к мужчине, который не является ее мужем. Конечно, такого рода «мораль» ущербна этически и эстетически, ведь другие представительницы света, того же высшего общества, имеют сколько угодно любовных интриг, но только тайне, «под темной вуалью». (Вспомните синюю вуаль Эммы во время ее прогулки с Родольфом и черную вуаль во время свидания с Леоном.) Но честная, несчастная Анна не надевает этой вуали, чтобы скрыть обман. Законы общества временны, Толстой же интересуется вечные проблемы. И вот его настоящий нравственный вывод: любовь не может быть только физической, ибо тогда она эгоистична, а эгоистичная любовь не создает, а разрушает. Значит, она греховна. И Толстой-художник с присущей ему силой образного видения сравнивает две любви, ставя их рядом и противопоставляя друг другу: физическую любовь Вронского и Анны (не выходящую за рамки сильной чувственности, но обреченную и бездуховную) и подлинную, истинно христианскую (как ее называет Толстой) любовь Левина и Кити, тоже чувственную, но при этом исполненную гармонии, чистоты, са-

воздам» (говорит Господь, «Послание к Римлянам», гл. 12, ст. 19).

Что это значит? Во-первых, общество не имело права судить Анну, во-вторых, Анна не имела права наказывать Вронского, совершая самоубийство. <...>

«Смерть Ивана Ильича»

В ТОЙ или иной степени в каждом человеке борются два начала: потребность в уединении и потребность в общении с людьми, то, что мы называем «интроверсия», то есть интерес, направленный вовнутрь, к внутренней жизни духа и воображения, и «экстраверсия» — интерес, направленный во внешний мир людей и осязаемых ценностей. Возьмем простой пример. Университетский ученый — я имею в виду профессоров и студентов — может сочетать в себе то и другое. Например, быть книжником и, что называется, душой общества, при этом то и другое в нем прекрасно уживается. Бывает, что студент, получивший или желающий получить награду за учебу, сознательно или бессознательно стремится получить награду за так называемое лидерство. Люди разных темпераментов принимают различные решения, у одних внутренний мир постоянно одерживает верх над внешним, у других — наоборот. Но для нас важен сам факт борьбы между двумя «я» в одном человеке — между интровертом и экстравертом. Я знал студентов, обуреваемых жаждой знаний, самоуглубленных, страстно увлеченных любимым предметом, они нередко затыкали уши, спасаясь от шума прибоа, долетавшего из общежития, но в иные минуты их могло одолевать стадное чувство, желание присоединиться к общему веселью, пойти на вечеринку или встречу с друзьями, отложив книгу ради компании.

Отсюда уже рукой подать до проблем, занимавших Толстого, в ком художник боролся с проповедником, великий интроверт с сильным экстравертом. Толстой, конечно, осознавал, что в нем, как и во многих других писателях, идет борьба между желанием творческого уединения и стремлением слиться со всем человеческим, борьба между книгой и обществом. По толстовскому определению, к которому он пришел, уже закончив «Анну Каренину», творческое уединение равнозначно эгоизму, самоупоению, то есть греху. И, напротив, идея растворения во всечеловеческом для Толстого означала Бога: Бога в людях и Бога, символизирующего всеобщую любовь. И Толстой отстаивал отречение от своего «я» во имя всемирной божественной любви. Иными словами, по мысли Толстого, человек, сочетающий в себе безбожное творческое начало и богоподобное человеческое, чтобы быть счастливым, должен сделать выбор в пользу последнего.

Нужно четко представлять себе эти идеи, чтобы понять философский смысл рассказа «Смерть Ивана Ильича». Иван — это, конечно, русский вариант древнееврейского имени Иоанн, что в переводе означает: Бог добр, Бог милостив. Ильич, то есть сын Илии, — русский вариант имени «Илия», которое переводится так: Иегова есть Бог. <...>

Во-первых, я считаю, что это история жизни, а не смерти Ивана Ильича. Физическая смерть, описанная в рассказе, представляет собой часть смертной Жизни и, в сущности, всего лишь последний момент смертности. Согласно философии Толстого, смертный человек, личность, индивид, человек во плоти уходит своей плотью в мусорную корзину Природы, дух же человека возвращается в безоблачные выси всеобщей Божественной Любви, в nirvanu, столь драгоценную для восточной мистики. Вывод Толстого: Иван Ильич прожил дурную жизнь, а раз дурная жизнь есть не что иное, как смерть души, то, следовательно, он жил в смерти. А так как после смерти должен воскресить Божественный свет жизни, то он умер для новой жизни. Жизни с большой буквы.

Во-вторых, надо помнить, что рассказ был закончен в марте 1886 года, в то время когда Толстому было около 60-ти и когда он твердо уверовал в толстовское положение, что сочинение шедевров художественной литературы есть грех. Он твердо решил, что если когда-нибудь и возьмется снова за перо после великих грехов своих зрелых лет: «Войны и мира» и «Анны Карениной», то будет писать лишь простые рассказы для народа, благочестивые поучительные истории для детей, назидательные сказки и тому подобное.

В «Смерти Ивана Ильича» то и дело попадают не вполне чистосердечные попытки писать именно в таком духе, примеры псевдонародного стиля. Но в целом в рассказе побеждает художник. Этот рассказ является самым ярким, самым совершенным и самым сложным произведением Толстого. <...>

Вам возможно и даже наверняка попадались некоторые из тех чудовищных учебников, что написаны не педагогами, а демагогами — людь-

го писателя, а, конечно же, главный ключ к его гению — это простота. Преподатели, а не преподаватели. Читая экзаменационные сочинения обитых с толку студентов обоего пола о том или ином авторе, я часто встречал подобные фразы — возможно, запавшие им в память в самом нежном возрасте: «Его стиль грациозен и прост» или: «У него простой и изящный слог». Запомните: «простота» — это вздор, пустословие. Всякий великий художник сложен. Прост «Сатердей ивнинг пост». Прост журналистский штамп. Прост Эптон Льюис. Пищеварение и сквернословие — все это просто. Толстой и Мелвилл совсем не просты.

У стиля Толстого есть одно любопытное свойство, которое я бы назвал «поиском истины наощупь». Желая воспроизвести мысль или чувство, Толстой примеряет к ним то один, то другой словесный наряд, пока полностью не удовлетворится своим созданием. Этот прием включает в себя художественные повторения: плотная цепь повторяющихся утверждений, следующих одно за другим, каждое последующее выражительнее, чем предыдущее, и все более приближается к толстовскому мироощущению. Он продвигается наощупь, очищает слово ради его внутреннего смысла, потом лепит фразу, поворачивая ее и так, и эдак, нащупывает наилучшую форму для выражения своей мысли, увязает в трясине предложений, играет словами, растолковывает и «растолстовывает» их.

Другая особенность его стиля — яркость, свежесть детали, сочные, живописные мазки в передаче естества жизни. Так в 80-е годы в России не писал никто. Этот рассказ превращает русский модернизм, расцветший перед скучной и банальной эрой соцреализма. Если порой в нем и слышится отголосок нравоучительной басни, тем пронзительнее звучит поэтическая интонация и напряженный внутренний монолог — тот самый поток сознания, который автор ввел еще раньше, в сценах последнего путешествия Анны.

Заметной особенностью рассказа является то, что Иван Ильич уже мертв, когда начинается повествование. Однако между мертвым и людьми, обсуждающими эту смерть и глазеющими на покойника, разница не велика, поскольку, с точки зрения Толстого, существование этих людей равнозначно живой смерти, а не жизни. Мы обнаруживаем в самом начале одну из многочисленных тем рассказа: бесчувственная пошлость, бездумность и бездушность жизни городского чиновничества, в которой сам Иван Ильич так недавно принимал участие. Его сослуживцы размышляют лишь о том, как его смерть повлияет на их продвижение по службе. <...>

Эгоизм, фальшь, лицемерие и прежде всего тупая заведенность — наиболее характерные свойства жизни. Эта тупая заведенность ставит человека на уровень неодушевленных предметов — поэтому неодушевленные предметы тоже включаются в повествование, становясь действующими лицами рассказа. Не символами того или иного героя, не атрибутами, как у Гоголя, но действующими лицами, существующими наравне с людьми. <...>

Но вот природа с ее жестоким законом физического распада вторгается в жизнь и ломает ее привычный автоматизм. Глава вторая начинается с фразы: «Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная». Жизнь Ивана Ильича ужасна оттого, что она была косной и лицемерной. Животное существование и детское самодовольство. Теперь все круто меняется. Для Ивана Ильича природа неудобна, омерзительна, бесцельна. Одной из опор его устоявшейся жизни была правильность, внешняя порядочность — элегантная, отлакированная поверхность жизни, ее нарядные декорации. Теперь их убрали. Но природа является ему не только в образе театрального злодея, у нее есть свои добрые черты. Очень добрые и приятные. Так мы подходим к теме Герасима.

Толстой как последовательный дуалист изображает контраст между косной, искусственной, фальшивой, в корне своей вульгарной и лишь внешне изысканной городской жизнью и жизнью природы, которую в рассказе олицетворяет опрятный, спокойный, голубоглазый мужик из самых незаметных слуг в доме, самую черную работу выполняющий с ангельским терпением. В системе ценностей Толстого он символизирует природное добро и таким образом предостит Богу. В рассказе он появляется как воплощение тихого, неназойливого, но животворящего природного начала. <...>

Финальная тема может быть вкратце сформулирована вопросом Ивана Ильича: что есть вся жизнь была «не то»? Впервые в жизни он испытывает жалость к другим людям. Затем все происходит, как в волшебной сказке, где зверь превращается в доброго молодца, женится на царевне, и вера даруется в награду за духовное обновление. <...>

Перевела с английского
Анна КУРТ